

СЕРГЕЙ СУПРЕМОВ

НЕБЕСКОНЕЧНОСТЬ

Сергей Супремов

Небесконечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11831455

ISBN 978-5-4474-2345-2

Аннотация

Рассказы о прикольных и серьезных людях. Первые очень славные, пьют жизнь без оглядки и самооправдания. Они самую малость неудачники, но знают, что с проколами им еще катить по судьбе.

Вторые – вполне себе молодцы, никто не подшучивает, на их пример равняются, но есть дырка, им видимая, а коллегам, семье, всем остальным – нет. Солидные скрывают изъян, вкладывая деньги и время, не понимая, что играют в прятки сами с собой. Но любая – игра это радость и риск!

Содержание

Палестинская ракета	5
Шахта	14
Чучело, чемодан, ковер	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Небесконечность

Сергей Супремов

© Сергей Супремов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Палестинская ракета

Он свалился прямо с неба. Я шел по улице и, насколько хватало глаз, пешеходов не было. Проезжую часть поглотила лиловая тень длинного жилого дома. Бывают такие – длинные. Наверное, принтер прилетел с одного из этажей, и шмякнулся в трех метрах у моих ног. Так что сперва я подумал, что целятся в меня и вот-вот жди второго снаряда. Пришлось остановиться и заняться ситуацией. С Маринкой у меня было натянуто в то время, да. Она по дури могла бы пухнуть в меня крупной морковкой, даже кочаном капусты. Но принтера Маринке было бы точно жалко, допускаю, что даже сломанный принтер она не стала бы ударять об меня, она из тех людей, кто сочувствует уголку стола, когда об него разбивают сваренное яйцо, поэтому царапины, сколы разные она не любит на вещах которые образуются.

Итак, стреляли не в меня, но я оказался крайним. Пока я размышлял так, на улице появился дядька спортивного вида и в соответствующем костюмчике. Я стал изображать, что удивляюсь расколотому принтеру из которого вылетела половина внутренностей. Мне также полегчало, что просто так теперь в прохожего кидаться не будут, тут рядом свидетель. Спортсмен делал вид, что не замечает раскуроченного механизма и удивленного меня. Каким надо быть идиотом, чтобы

думать, будто я не вижу, что он всё видит?! Я достал телефон сфотографировать обломки и таким своим поступком подчеркнуть, что, чёрта с два, не случайно принтеры на асфальте валяются и не каждый день сыплются обывателям на головы.

– Эй, ты осторожнее, это Палестинская ракета! – наконец проговорился спортсмен.

Все мы знаем, что нынче спортсмены продаются и покупаются и даже пингвины с Антарктиды, будь у них деньги, прикупили бы себе на континент лыжников и конькобежцев. Так вот – покупным я не верю, и уже хотел осадить продажного пустозвона, но подумал, что он ездит по странам и может знать, как выглядит палестинская ракета. Страх наконец пробрался в грудь, и я не оглядываясь заспешил с того места, внутри всё сжалось, я ждал взрыва, прикидывая, швырнет меня волной, или же осколки почешут спину – беспокойные мысли, особенно тяготило, что все сегодня идет коту под хвост, и я никуда из-за взрыва не успею. Чем я насолил палестинцам, я тоже не мог понять, но спасибо им, что промазали. Только отойдя на безопасные метры мне вспомнилось, что за секунду до падения ракеты в этом длинном доме были голоса толи пьяных, толи повздоривших, и даже, кажется, женщин. Поэтому-то я сперва про Маринку вспомнил.

На том месте где лежали обломки уже нагибался спортс-

мен. Про него я не зря дурное подумал. Этот зазнайка меня отвадил от исторического падения, а сам разбирал осколки на сувениры.

– Вообще-то я первый эту штуковину... Это в меня целились, не в тебя, положи назад деталь!

Спортсмен держал в руках картридж – такую коробочку, где империалисты прячут чёрный порошок. Когда меня еще не выкинули из офиса, я пару раз ходил заправлять эти картриджи, и чувак там мне рассказывал, что эта вот деталь, что в руках спортсмена, стоит вровень с принтером, а по сути в ней только порошок, народе золы из печки.

– Кто же это целился в тебя?

– Палестинцы, ты что не помнишь, хорёк? – я забыл приличия, так как случай вопиющий. Ракета, блин, от них столько километров впустую летела, во он обнаглел легкоатлет! Этому длиннлицему качку ничего не стоило с одного удара разбить меня на детали и положить рядом с убитым принтером, но как то я про это вспомнил поздно. Причина моей заторможенности вот в чём?

Если бы я завладел этой коробочкой и сходил к тому чуваку засыпать в нее золы, в конце этого неприятно закругляющегося дня я бы держал в руках картридж, который можно продать и махом решить ряд жизненных нестыковок. Были то палестинцы, наш местный бог, или провидение какое, но картридж посылали мне, а достался он постороннему, и это

здорово кипятило мне кровь. Если у него мясистые утолщённые руки, осанка и здоровый цвет лица, значит ли это, что и картридж падает в его копилку? Тут ведь принцип, меня в сути обеспокоило неравенство. Я слышал про Мартина Лютера Кинга и его борьбу, но про неравенство понял только накинувшись на атлета. И бог знает чем бы это кончилось, если бы не женщина. Вот как на духу, я сразу подумал, это Маринка – она всегда возникает когда не надо. Но у этой особы наблюдалось однако отличие. Тёмные волосы... как у меня, в том смысле, что темные, плюс немытые. Маринка такое никогда. У незнакомки эти россыпи держались кое-как в виде хвоста, а на ее теле было пальто запахнутое, которое все время раскрывалось, показывая халат и шлёпки на босу ногу – так выбегают во двор на минутку.

– Это мой принтер! – объявила она. Хорошо что мы со спортсменом притихли, это подтолкнуло женщину к объяснению.

– Я его кинула вон с того окна, – она тыкнула пальцем в сторону длинного дома, я уже был готов говорить, без разницы что, просто пустить шуму, но как увидел спортсмена, повременил; мы разом смекнули, что эта худышка такую глыбу может кинуть только в своём собственном сне. Между нами, мужчинами, разлилось общее недоумение, я ждал только, что спортсмен первый укажет даме на не соответствие. Но этот хорёк оказался джентльменом. Не нравится мне та-

кой принцип работы: мышцы, лицо, плотный бумажник и разные джентльменские примочки, чтобы эффект производить, а в пикантных ситуациях отмалчиваться, когда надо вставить поворотное слово.

– Чё ты трёшь? Ты на себя посмотри ... – начал я обращение к даме, но чёрт побери, совсем не это хотел сказать, просто сорвалось. Вообще не ей я сказал, а чтобы конкуренту нос утереть.

Темноволосая, как я заметил, разбиралась в моём калибре, и, поговорив со мной минуты две, стреляла бы назад похожими патронами. Больно бы стреляла, потому что знает куда. И сейчас она умоляюще взглянула на спортсмена, ища в нем защиту, или что они там ищут. Не ясно, были ли у атлета планы возвращать картридж даме, но темновласая особь уже им манипулировала, и это снова меня вскипятило. Я порешил, что пусть меня хоть в порошок разотрут, но в тот день я с несправедливостью поквитаюсь навсегда.

– Ты всё с окна подглядела! – заявил я и стал нащупывать глазами то окошко, пока не споткнулся об одно в пятом этаже. На меня оттуда кто-то пялился, но зрения не хватало разобрать. Моё ущемлённое чувство настаивало на правде и требовало дать бой неравенству. Все хорошенькое достанется этим двоим, а мне кукиш – с каким сердцем я потащусь дела делать. Уйду с оскорбленной душой, обзову авантюристов именами без кавычек; в такие моменты мне хоро-

шо вспоминаются подходящие животные. Но потом всё равно будет плохо. Хуже, чем до падения принтера.

– Не давай ей ничего, враньё сплошное, – пока говорил, я встал между принцессой и спортсменом. Тот опустил плечи, а чего он хотел? Тут победа не как в спорте, прыгнул и тебе медаль несут. Тут надо разобраться, сгустить тон, чтобы виноватый почувствовал колики и груз своего поступка.

– А ну принтер гони! – стал говорить с нами длинный дом и голос у него был одинокий и прокуренный. Когда нет лица, голос, это радио, я так и крикнул в ответ – чтобы не лез в эфир без приглашения. Моя уверенность стала распространяться и на упёртых. Атлет опустил картридж на землю и махнул на нас рукой. Правильно сделал, он свое золото еще завоюет, а мне выжить сегодня надо.

– Так тебе только картридж нужен? – удивилась босоногая принцесса, – Он пустой, там краска кончилась!

Я дал понять что мне сгодится и такой, принцесса пожала плечами и согласилась отдать. Но не за так, она выставила условие поднять на ее пятый этаж тело печатной машины. Я припомнил прокуренный вопль сверху, в том ключе, что вроде это мужик был и наверное у него руки-ноги есть.

– Ага, так он и разогнался! – темноволосая не хотела выносить сор из избы, но сразу это решение и нарушила. Когда вошли в подъезд и я понял, что лифт сегодня бастует, она принялась трещать без умолку. Болтовней женщина вознамерилась околдовать на мои ноги, чтобы безропотно шли

по ступенькам, и на голову, чтобы та думала, что каждый пройденный пролёт лестницы – последний. Голову она зацепила рассказом без внятного начала, но с любопытными подробностями. Ее мужик, надо полагать тот обделённый вопль сверху, «припер в дом жуткую, грязную железку ... размером с телевизор, только не телек, а хуже ..., места ему в доме мало... работал бы, больше метров прикупили,... попортил мамашин подарок, ... скатерть и одеяло... берегла целый год, застелила по-человечески... мамку в гости ждали... не дождемся теперь ...я его принтер... на подоконнике стоял ...открыла окно и ногой зафутболила...» Я узнал и некоторые, неизвестные ранее эпитеты, которые она навесила на своего суженного, а также, что лифт не работал с утра и, должно быть курилка пер непознанную железку тем же макарон, как я волочу сейчас принтер. Она добавила, что мне повезло: принтер не грязный, а вот «Вовину куртку придется выкинуть».

Когда я поставил принтер в прихожей, картридж стал выскальзывать из-за пазухи вниз, а так, чтобы этот Вова видел мой улов, не хотелось. Я развернулся на выход, но принцесса прониклась моим молчаливым подвигом к вершинам пятого этажа, и не хотела отпускать не показав «железную дурю». Вован сидел к нам спиной, отрешённо курил в открытое окно и не мешал просмотру. В его позе был надрыв, черты непризнанного и не понятого гения, я скоро понял поче-

му. Повернув голову куда велела принцесса, взору предстала большая двуспальная кровать и на ней ... Я сперва не поверил, но проморгался, отступил на шаг и стал созерцать. Так вот, кровать обтягивало покрывало, на манер того как делают в Турции в отелях. Покрывало представляло собой фон и тонкий цветочный узор – для Турции простовато, но так ведь Вован с женой живут не в отеле, а тут так вполне к месту.

Ближе к центру композиции в цветочную тему стали добавляться овалы и круги, которые обычно оставляет масло – не какие-то там грубые подтеки, а аккуратные такие окружности. Совсем уже в середине эти пятна сливались в одно большое, которое становилось центростремительно темным. Но не настолько, чтобы превратиться в чёрную дыру и перекрыть неповторимый раскрас железяки. Кровать украшал изъеденный ржавчиной, но всё еще живой кардан от автомобиля. Чем больше глаз понимал игру контрастов, сочетание оттенков, тем мощнее становился эффект увиденного. Светлые тона этой непомерной для «однушки» кровати и темный вызов карданного вала, разом перечёркивающий рутину и комфорт однообразной жизни. Без его присутствия кровать осталась бы примитивным набором досок и тряпок до самого дня когда ее отнесут на свалку. Но теперь миру представлялся шедевр. Я посмотрел на Вована с обожанием, с восторгом зрителя, получившего высокое наслаждение. Мне захотелось сейчас же одарить этого художника самым цен-

ным, что у меня было. Он тоже поглядел на меня с надеждой, глазами человека, которого пытаются понять.

– На брат, это тебе – дарю! – не помня себя от восторга я вытащил из-за пазухи картридж и протянул его великому художнику.

Шахта

В сумерках одинокий луч скользит снизу вверх, выхватывая из темноты неровный каменистый рельеф. У луча нет соперников, нету равных, но только до поры. Еще минута и вертикальный туннель станут посещать огоньки сигнальных ламп, еще выше подключатся прожектора, а на площадке в хор вступит солнце.

Глушук Женя поднимался наверх в скрипящей вагонетке и благодарил Бога. В этом действии он мог бы произносить хвалебные речи и вслух – все равно скрип не дал бы расслышать ни одного слова, к тому же, он ехал один. Но стеснялся. Толи непроницаемых базальтовых стен, толи метанового воздуха. Эти вещи не страшили его уже пятнадцать лет, но что они живые в это Женя верил.

Еще два уровня и он узрит солнечный закат. Как великолепно подходят друг к другу закат и шуршащая внутри молитва. Но сегодня не так, и виной всему Ленья! Нет, он славный парень, у него заслуги и подвиги в подземелье – Лене честь и хвала, и не гадина, и не предатель. Но зачем ему захотелось поработать в Женькину смену на следующей неделе? Мало ему премиальных и за выслугу? А Женя Глушук из-за Ленькиной прихоти теряет барыш. Ах нет же, нет! Эти вот черти-мысли все духовное и губят. Ведь если выпало ему

не лезть в шахту, то и не надо – причем здесь барыш? Создатель желает уберечь, а он все о мамоне.

Леня тоже верил в рулетку, но говорил, что жизненные обстоятельства сильнее. У него семья и она «рулит», а рулетка – ну если вывинтит на него, то хоть не за себя в иной мир, а за семью – это даже немного по-геройски. Но Женя сомневался, что семью можно просто так вписать в оправдание. Своей семье он таких полномочий не давал. Если Людмила наедет, почему отдал свою смену Леньке, то пусть женщина прикусит язык, ибо не знает о каких материях ведет речь. Метан это не курортный воздух и для большого взрыва довольно крохотной искры.

Ему возвращают зажигалку, сигареты, мобильник – ого, сколько звонков пропущено сегодня! Звонили те, кто не знает, что он на смене? Ну так все же знают... Вот и опять-опять подкрадывается – ну отчего же он не выкинет Ленькину просьбу, так и вцепилась в память! Развеять смрад раздумий пробует и красно-оранжевое солнце – в проходной широкие окна, весь длинный коридор до душевых. Здравуются приятели, а друг с другом просеивают давнишние темы – одни и те же, и известно почему. Потому что шахта, потому что каждый день рулетка. Она напоминает о себе слишком большим от себя расстоянием. Сто тридцать дней без происшествий – долго! И каждый из шахтеров понимает, что дол-

го – это не вечно, долго не бывает вечно, это в любой день. Сто тридцать дней без сучка и задоринки. На прошлой неделе, словно для очередного витка обороны, поставили новые вентиляторы с дачниками газа: диапазон двести метров и направленная струя. Метан отступил. Но сколько его в недрах?

Ответ знает рулетка. Зарубежные звезды одна за другой перепевают тему русской рулетки. Радоваться, плясать надо, когда просят уступить, а Женька туда же, к жабе-душительнице. Леня-приятель заслушался голоса обстоятельств, супруга его промывает, семейные дела требуют о себе думать. Лене нужно больше денег к концу месяца – это диктант судьбы и он должен за ней записывать.

Прошлую пятницу, в пивной Женя пробовал подойти к волнующему вопросу:

– Ты жену спрашивал, ну, беседовали вы на эту тему? – шахтеры напрямую не говорят, а вот так, издалека. Все что он хотел узнать, это будет ли Ленькина жена, когда предстанется, брать на себя грех. Леня за ее благополучие ставит жизнь, рискует больше нормы – будет ли Светлана говорить, что просила мужа о риске, выдвигала требования. Ведь должно быть взаимно! Женщина понимает, что любая смена может быть последней, а каждый дополнительный раз удваивает ставки.

Леня отворачивался, не хотел это обсуждать. Год назад он сам завел разговор, веселился, бахвалился – все под пьяную

дудку, но так даже честнее. Теперь Женя понимал, что приятель-таки спросил, и что его жена-таки ответила, а вот дальше рассказывать не хочется. Потому что пятница и впереди два выходных и если сейчас все испортить, то эти два ценнейших дня жизни придется жевать с дурным привкусом.

Как все исправляет красно-оранжевый диск, медленно опускающийся за кромку леса. Что-то в нем про вечное; словно в предзакатном огне можно растворить мимолетную печаль. В душевых солнце прыгает по зеркалам, рисует длинные полосы вдоль стен и по потолку. Приятные струи выгоняют усталость и приросший к телу запах подвала. Выходные впереди и понедельник – тоже свободен благодаря Леньке, черт бы его подрал!

Женя хочет поймать солнечный луч, присевший на краешек зеркала. Сжимает мокрый кулак и луч исчезает, как будто и вправду зажат между пальцев. Но стоило только разжать кулак, как пучок света поскакал по зеркалу прочь – может вслед за проезжающей машиной, которая его увлекла. Женя тянется поймать его, но звонит мобильник и он только шлепает по зеркалу. И тут, раз! Звон разбитого стекла, звук беды...

На полу и в раковине осколки зеркала. Блестят. Их много и они везде – вот только что был один ударающий луч, и тут сразу груды мерцающих осколков на мокром кафеле.

«Сто тридцать дней без происшествий, – соображает Женя, – и у меня, по крайней мере три! Три дополнительных

дня. А могло быть два!»

Чучело, чемодан, ковер

Все, что я действительно имел, был чемодан, и мои барабаны.

Так что я взял их в Сиэтл и надеялся, что это будет работать.

Дэйв Грол

Круглов сорок минут убеждал коллегу и все время встречал сопротивление, не помогали аргументы что Евстропов хозяин, а не подчиненный. Во власти хозяина распоряжаться имуществом, но не в правах слуги. Доцент Круглов просил передать ему что-то ненужное, чтобы профессор прекратил быть пленником старины.

Евстропов в свои пятьдесят пять как ребёнок дивился просьбам старших и так же, как ребенок сопротивлялся этим вымогательствам. Он повторял что вещи не его, они принадлежат дому, что он пробовал избавиться от чемодана, от чучела и ковра, но всегда забирал назад, эти реликвии – элементы его жизни, без них он в пустой конуре, а стены злое ще сдвигаются, зажимают и давят.

Профессор отвергал идею покупки мебели, «дешёвка, но-водел, пластмасса, как можно сравнить историю и старину с паршивой копией?». Он не верил, что мебель внесёт ветер в затхлое пространство, и что чучело угрюмое, а ковёр не годится даже для сбора пыли.

«Замолчи, умоляю! Я бы не состоялся без ковра, я истёр его преодолевая вехи жизни, он знал мою ногу в семь лет, и когда мне исполнилось четырнадцать и в двадцать один, он расстилается от самого времени, когда я начал ходить. Уже тогда он был немолодым и выступал моим учителем. Ты хочешь, чтобы я предал учителя? Может он суровый и справедливый, но а кто ко мне добр? На нем следы пролитого кофе, невыкуренных допов и пятна моего стыда, их нельзя смывать, избавиться значит порушить историю».

Круглов перескочил от больной темы ковра к чучелу ворона, одну треть которого поела моль, а вместо левого глаза блестела несоразмерная пуговица. Даже постаравшись, найти применения этой трухлявой вещице невозможно. В ответ доцент узнал про себя, что близорук и не видит символа. В Греции вот уже сколько столетий под открытым небом стоят безрукие и обезглавленные богини и никому в голову не приходит собрать экскаватором эти обломки статуй. В Египте безносый сфинкс тысячи лет открыт всем ветрам и не сморкается, а только попадает на все фотографии. И пусть чучело не тысячелетний экземпляр, зато какой знак! Но стоит бедняге-ворону попасть в чужие руки, он сразу пропадёт, а послушать доводы Круглова, так вообще хочется замкнуться в себе и не показываться в люди.

Евстропову было бесполезно прислушиваться, так как он

понимал слова, но не мог осветить их никаким достоверным смыслом, а речь уже шла о старом чемодане и о том, что внутри завелась живность. Круглову зачем-то понадобилось и это ценное хранилище книг, в котором он также отыскал изъяны в виде трех неаккуратных отверстий. В замен он предлагал отдать новый пластиковый кейс на колёсиках, который никто не прогрызёт. «В чемодане не раз бывали мыши, вон то отверстие явно говорит, что долгое время чемодан служил им домом. Будь милосерден к книгам! Посели их в новый кейс, недоступный для тварей, а этот мышиный бордель отдай мне...»

Слова прошли мимо ушей профессора, он в очередной раз повторил про дешёвый блеск и безвкусицу новых вещей и сослался, что если в доме протекает крыша, это не значит, что Круглов идёт крушить весь дом, а что до мышей, то у кого их нет?! По мнению профессора паразиты везде, просто некоторые замечают щепку в чужом глазу, а в своем и бревна не видят, «ты залезь под свою кровать, и заляни в погреб. Бьюсь об заклад обнаружишь грызунов. Просто удобно закрывать глаза на факты и шорохи в доме списывать на шум веток за окном. Но если тебе так нужна сумка, я вручу тебе одну прочную и надёжную, в ней кирпичи таскать можно и нет лишних отверстий. Хочешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.